

Не только о пиджаке

Кто я такой? – Поэт. Брехун. Чудак.
Меня таким придумали – не вы ли?
Ромашками давно зарос пиджак.
И валенки грязны от звездной пыли.

У времени прибой есть и отбой.
Я установлен, как закон, в природе, –
Не бегая за модой, быть собой,
Ведь солнце, не меняясь, вечно в моде.

Бог поцелует мне обуглил лоб,
И мне плевать, что обо мне болтают:
Какой неряха, чудик, остолоп, –
Пиджак цветет, и валенки сияют!

* * *

Потом, потом, когда-нибудь,
Давно забыв минуты эти,
Ты ощутишь, как вешний ветер
Предательски волнует грудь.
Забыв меня, припомнишь ты
Весну, и легкий хмель азарта,
И мокрый снег, и ветер марта,
И тишину дворов пустых.
Припомнишь ты когда-нибудь
Весенний двор, звонок трамвая
И то, как морось голубая
Летела на трамвайный путь.
И в прошлое посмотришь ты,
Как после сна, подняв ресницы...
Так смотрят на добычу птицы
С недостижимой высоты.
А я? Поверь, я только рад,
Что первое тепло вступило
В свои права — и с новой силой
Лучится твой вишневый взгляд.
Меня не вспомнишь ты — и пусть!
Без имени, лица и слова
Я в кровь твою проникну снова,
Как легкая, хмельная грусть.
Все сгинет, кончится, пройдет,
И наше чувство растворится
Среди других, и даже лица
Судьба из памяти сотрет...

Но, даже если все прошло, —
Пройдя к тебе сквозь все границы,
Судьбе и времени назло,
Как ложь, мечта или небылица,
Тебе ночами будет сниться
Мое случайное тепло.

Апрель

Как полнозвучная монета,
Звенит апрель.
Все ярче солнце, все просторней
Зиянье дня.
Светлеет даль, чернеют ветви,
И льнет к лучу
Внутри прозрачного сосуда
Росток весны.

Внутри прозрачного сосуда —
Прозрачен мир.
Под звонким, под стеклянным небом
Курлычет лед.
Смеясь и плача, под ногами
Звенит стекло.
Прозрачность, хрупкость, звон и холод —
Везде, во всем.

Все в мире кажется стеклянным,
Лишь только тронь —
Заплачет, звякнет, разобьется
Строка и жизнь.
Стеной стеклянной между нами
Стоит запрет
На встречу, нежность, боль и ласку,
Стоит всерьез.

Так чист, и солнечен, и страшен
Великий пост.
Нисан, прозрачный и холодный,
Священно пуст.
Семь страшных дней под хрупким небом
Дает весна —
Для одиночеств и наитий,
Для тишины.

Но в звоне льда в сердцах и в небе —
Благая весть.

Весна во мне пускает корни –
И вглубь, и ввысь.
Разлука смыта половодьем,
Звенит простор,
И вновь парит в слепой лазури
Увядший лист.

Шагай один, смотри за стекла
И встречи жди.
Еще не вышел срок, быть может,
Но время сверь:
Звучит благая весть апреля
Сквозь синий звон –
Предпостижение свободы
И чистый свет.

* * *

Я разбил над землей
В сиреневый этот вечер
Свой невидимый сад –
Тропинки, арки, аллеи;

Осколки снов и надежд,
Паденья, метанья, взлеты,
Сиянье белых одежд,
Следы на песке дороги;

Фигуры из давних снов,
Случайные взгляды из дали,
Где тень Твоя восстает
В день третий над тихим миром;

Сиреневый горизонт,
Зелень сходящихся тропок –
Невидимый сад надежд
Под небом обетованным.

* * *

Как души, озираясь с непривычки,
Спускаются в Аид к родным теням,
Я ехал на холодной электричке
По темным подмосковным деревням.

Летел состав от Курского вокзала,

Смурно смотрела рыхлая земля,
Сырая тьма безрадостно глотала
Смущенные цветением поля.

Соэлектричники, ленивые, как стражи,
Зевали, глядя в темное окно:
Заборы, крыши, прочие пейзажи –
Привычное вагонное кино.

Кружилась голова, кружились лица –
Плыло вокруг пространство огнево...
Я, затаив дыхание, молился,
Открыв глаза, не видел ничего.

Московии надорванное сердце
Дышало в обескровленной ночи,
То набухало, то сжималось смертно,
Роптало, как забытый хлеб в печи.

Мне горло жгли прельстительные речи,
В крови текла крутая соль обид...
Но я любил и чаял третьей встречи,
Которую сам Бог благословит.

...Я повидал разбойную столицу –
Отравленного воздуха глотнуть,
Ей, окаянной, в землю поклониться,
И лоб разбить, и выстрадать свой путь.

И все до боли было мне знакомо –
Беспомощно чернел простор вдали,
И май горел, как рыжая солома,
И дым вставал во всех концах земли.

Весёлый кактус

растет-цветет веселый кактус
на подоконнике просторном
в лучах полуденного света
не слыша шума городского

глядит в окно веселый кактус
на шум и ярость людных улиц
глядит назад веселый кактус
в прозрачный полумрак квартиры
на стол тетради полки книги
глядит-глядит не наглядится

просторное большое лето
несется плача и сверкая
пылают реки горы страны
места меняют континенты
а кактус ждет а кактус ищет
свою родную кактусиху
свою затерянную нежность
колючее живое счастье

он для нее цветок нездешний
несет в колючих теплых лапах
он для нее откроет небо
в своем цветке неповторимом

просторное большое лето
несется плача и сверкая
пылают реки горы страны
мир никогда не станет прежним
и видя это безобразье
на подоконнике томится
на подоконнике скучает
колючее живое счастье
веселый кактус Афанасий

Скелет в шкафу

В моем шкафу уже десяток лет
(Хоть это в наше время непрактично)
Живет один веселенький скелет –
Изысканный и аристократичный.

Он иногда выходит поболтать,
Когда в квартире нет родни с друзьями,
Попить чайку, стишата почитать
И стариной потряхнуть – то бишь костями.

Мой друг скелет – известнейший поэт
Не золотого – каменного века,
И из его стихов за много лет
Сложилась целая библиотека.

Мы с ним беседуем о том, о сем,
Мы делимся увиденными снами
И иногда такую чушь несем,
Что весело богам следить за нами.

А боги смиренно, словно паучки,
Сидят в его костях, не замечая,
Как прыгают на черепе очки,
Как пляшет в тонких пальцах чашка чая.

Как это важно, если ты поэт,
Не знающий в работе утомленья,
Чтоб хоть один веселенький скелет
Жил у тебя в шкафу – для вдохновенья.

Особенно изысканный жираф

Так требует сердце – печальные песни слагать.
Ты хочешь печали, тебя утомила жара...
Послушай: далеко-далеко в сибирских снегах
Сферический бродит жираф.

Изысканный, мудрый, бессильный сферический бог,
Дитя порожденных поэтами чудных планет,
Летит над тайгою на тонких соломинках ног
В кубическом небе, окрашенном в розовый цвет.

Он ходит по вымершим селам, сгоревшим лесам,
Он слушает звоны ушедших под воду церквей.
Он строит незримый подвижный бесформенный храм
Из звуков висящих на тучах бесплотных цепей.

Дитя воспаленного скукой хмельного ума,
Он слыхом не слыхивал в жизни о зле и добре.
Я знаю, что чувствует масляно-жирная тьма,
Когда на закате он прячется в черной дыре.

Блуждая в пустых коридорах зеркальных небес,
То делаясь запахом, то притворяясь грозой,
Он нам предвещает возможность жестоких чудес,
Молчанием нам говорит, что бывшее грядет.

Бывает так сладко печальные песни слагать,
Когда в тонких венах звенит золотая жара...
Послушай: далеко-далеко в загробных снегах
Сферический бродит жираф.

* * *

Ты спишь, запрокинув лицо к небосводу,
Неважно, в постели, в пустыне, в лесу,

Во сне изучая покой и свободу,
Не слыша, как муха ползет по лицу.

Ты спишь, как пророк, вдохновенно, на славу,
Улыбка твоя так маняще грустна,
Как будто пришелся тебе не по нраву
Твой личный ручной Апокалипсис сна.

Ты спишь, не вздыхая, не дергаясь даже,
Вкусив бесконечности и присмирив,
А муха, как муза, дивится пейзажу,
Ощупывая непослушный рельеф:

Провалы глазниц, возвышение носа,
Изгибы ушей или впадину рта...
Как вкрадчива эта подробная проза,
Насколько упряма ее красота!

Мистическая Абсолютная Муха
Фасеточным зрением видит твой сон.
Святой бездуховностью чистого духа
Ты в строгий, безвыходный рай вознесен.

Но ты существуешь, белковое тело,
Пустое, как дистиллированный дух,
Нарушив свои и чужие пределы,
Став концептуальной загадкой для мух.

Ты медленно спишь, на себя непохожий,
Ты спишь и не знаешь, что спишь ты в раю,
Где муха фасеточным зрением Божьим
Вбирает тебя в бесконечность свою.

* * *

Пусть это лето несерьезно,
Прозрачно, словно акварель, –
Его переозвучил грозно
Жужжащий в парке пышный шмель.
Отягощенный грузом ценным,
Он выползает из цветка,
Он часто мчится мимо цели,
Жужжит и сердится слегка.

Вот-вот хозяйственная осень
Остатки лета спрячет в ларь
И листья под ноги нам сбросит

Усталый желтый календарь,
И пышного шмеля-поэта,
Еще хмельного от забот,
Как маленький осколок лета,
В бурьян некошенный сметет.

Но в высшем абсолютном мире
Есть некий абсолютный шмель,
Уж он-то не промчится мимо,
Он видит путь, он знает цель,
В небесной розовой аллее
Цветам стихи свои жужжа,
Он всех милее и шмелее,
И чувствует твоя душа
В своем уютном небосклоне
Цветы, колосья и поля,
И в вечном розовом бутоне
Жужжанье вечного шмеля.

Проводы лета

Круглое, пестрое, зыбкое лето
Рябью мелькает в глазах.
Трудно в гостях, но и дома не легче:
В каждой квартире – гроза.

Что ж, собирайся, пошли на прогулку
В мир, что знаком наизусть.
Воздухом свежим порадуй простуду,
Выгуляй старую грусть.

Лучших деньков не теряя напрасно,
Просто попробуй на вкус
Август, хрустящий, зеленый и красный,
Сахарный, словно арбуз.

Быстро меняются яркие кадры:
Нервная пляска светил,
Зелень и золото, охра и кадмий,
Взрывчатый, словно тротил.

Всхрапывая неуживчиво-нервно,
Горько-солена, грозна,
Дремлет в еще опечатанном небе
Мстительная глубина.

Медленной черной водой набухая,

В небе скользят облака.
Шепчешь двустигшья, блокнот доставая,
Тянется к ручке рука.

Как говорили когда-то светила,
Славный нам выдастся год:
Что-то готовится, что-то свершится,
Что-то большое грядет.

Но не ищи ни наград, ни геройства,
Зря фейерверков не жги
И не надейся, не жди и не бойся,
Главное – просто не жди.

* * *

Снова ветер свищет в чистом поле
На широкой воле,
Но о том, как много в этом боли,
Не учили в школе.

Скоро лето все разметет в клочья,
Грохоча-пророча.
Никого и ни о чем не спросит,
Обратится в осень.

По картине, по планете нашей
Снова кисть заплещет:
Пятна, всплески – желтым, алым, белым –
Яростно и смело.

Я стою среди равнины голой,
Нищий, злой, веселый,
И смотрю в глаза пустого неба
Напряженно-слепо.

Надо мной кружится в небе ясном
Солнце, словно ястреб.
Смотрит зорким, смотрит ярым оком
Далеко-далеко.

«Вы о чем, пророки и предтечи,
Нам толкали речи?
И кому помалу-понемногу
Выстлали дорогу?»

На крестах и на кострах кричали,

Верили-искали.
Но не понял, что за бог вас создал,
Ни один апостол.

Скоро осень облачится новым
Траурным покровом,
Беспощадно и неотвратимо
Обратится в зиму.

Что ты пригорюнился, что плачешь,
Рыцарь неудачи?
Не ищи побед, не бойся боя,
Рыцарь непокоя.

Не один ты на Руси не воин,
Так что будь спокоен –
И тебе найдется в чистом поле
И земли, и воли».

Я один в пустой степи маячу,
Рыцарь неудачи.
От небес путей своих не скрою,
Рыцарь непокоя.

Не сдаюсь, не плачу, стиснув зубы,
Огрызаюсь грубо
И гляжу безвыходно и слепо
В каменное небо.

Костёр

Костер в тумане светит,
Огонь до туч встает.
Никто в ночи не встретит,
Никто не отпоет.
Так холодно на сердце,
Так пуст ночной простор...
И, только чтоб согреться,
Восходишь на костер.

Мучительно свободна,
То каясь, то греша,
Как наша плоть бесплотна,
Как тяжела душа.
И снова, снова, снова
По мстительной тропе
Меня влечет сурово

К тебе, к тебе, к тебе.

Струна звенит в тумане,
Костер дымит в снегу.
Горю легко и странно –
Согреться не могу.
И вижу, как над нами
В прозрачной тьме летит
Сиреневое пламя
Обманов и обид.

Ночь новой жертвы просит,
Жжет снежная постель
И пепел мой разносит
Горячая метель.
Как страшно, ярко, быстро,
Срываясь в пустоту,
Во мраке пляшут искры
И гаснут на лету.

* * *

Да. Так сложились обстоятельства –
Играя в жизни, как на сцене,
Мы приучаемся к предательству,
Мы приучаемся к измене.

События отмечая вешками,
При встрече, чтоб все было гладко,
Приветствуем друг друга вежливо,
Все помним и молчим о главном.

Так было нужно нам, наверное,
Чтоб в трудный час светло и нежно
Любовью, болью и надеждами
В нас вспыхнуло слепое небо.

И так же нужно было в точности,
Чтоб вечность пронеслась без цели,
И встретились два одиночества,
И стали целым, и сгорели.

Все объяснимо – боль, предательство...
Все послано судьбой иль Богом.
Вину смягчают обстоятельства,
Нисколько не смягчая боли.

Прости, родная, бестолковая,
Ни в чем невинная, простая.
Я говорю слова суровые,
А для чего – и сам не знаю.

Но все, что было с нами, – было ли?
Откуда в сердце боль и стылость?
Кто виноват? Не знаю, милая.
Никто. Так вышло, так случилось.

* * *

Безразличный, бескровный, бессмысленный свет,
Пышный траур осеннего дня –
Как веленье и зов, как приказ и завет
Для людей, для тебя, для меня.

Так, наверно, предписано Божьей рукой –
Привечать расставанье людей
Серым пристальным небом, свинцовой рекой
И молчаньем пустых площадей.

Но, движения времени не торопя,
Я смотрю в безразличную высь –
Отпускаю тебя, провожаю тебя
И предчувствую новую жизнь.

И пустеет ведущая к дому тропа,
И тревожно гудят поезда.
Провожая тебя, отпускаю тебя
Навсегда, навсегда, навсегда.

Ты предчувствуешь все, не поняв ничего,
Но – предчувствиям наперекор –
Отпускаешь ныне раба твоего
В безразличный, бескровный простор.

Но, пусть небо отравлено в нашем аду,
Боль в груди молчаливо терпя,
Я дышу этим небом, надеюсь и жду –
Для тебя, для тебя, для тебя.

И ответит Господь на призыв и мольбу
Тусклым светом осеннего дня,
Обещая возврат и иную судьбу
Для меня, для меня, для меня.

Дорога уходит вдаль

Я сижу у окна.
День заснежен и пуст.
Рассеянная тишина –
Вместо мыслей и чувств.

Я сижу у окна,
Слушаю тишину.
Вместо труда и сна –
Снег, куда ни взгляну.

Бормочет вдали вокзал.
Всхрапывают поезда.
Тот, кто никем не стал,
Волен плыть в никуда,

Против течения лиц,
Против течения спин –
Властителем небылиц,
Снежных бурь и равнин.

Город жесток и слеп.
За ним – шаманят снега,
Спит буддийская степь,
Заснеженная тайга,

Вечная мерзлота,
Белый густой туман
И сквозь оковы льда
Дышащий океан –

Они не велят беречь
Пожатых друзьями рук,
Идти мимо светлых встреч
И священных разлук.

Время разводит нас.
Дорога уходит вдаль.
Пусть в заповедный час
Сердце сожмет печаль.

Несбывшегося не жаль,
Ведь, кому ни молись, –
Дорога уходит вдаль.
Дорога уводит ввысь.

Многое не сбылось,

Только не пуст наш путь –
Будет задор и злость,
Будет что проклянуть.

Свет обратится в снег,
Останется в нем одно
Видимое во сне
Сияющее окно.

Будет с глазного дна
Рваться свеча, шепча.
Кровь моя холодна.
Злость моя горяча.

Только иллюзий нет –
Нет целей, но есть пути.
Свет превратился в снег.
Дорога велит идти.

* * *

Кончились детские игры.
Племя бродяг разбрелось.
Кто-то из памяти выкрал
Прежнюю дерзость и злость.

Только в мозгу все лучится,
Светит экраном окно...
Вроде б должно завершиться
Странное это кино:

Школа, дворы, пионеры,
Запах покрашенных парт,
Скверные песни по скверам,
Пиво, любовь и азарт...

...Небо темно, как болото,
Грязно, темно и мертво.
Хочется высечь кого-то,
Только не знаешь, кого.

Магнитофон крикнет старый:
«Стоп, подымайся, пора!» —
Но не ответит гитарой
Темный колодец двора.

Мозг без любви обесточен.

Племя певцов разбрелось.
Мы еще верим, но — молча,
Слушаем песни, но — врозь.

...Кончились детские игры.
Хрип вместо сердца в груди.
Кто нас из юности выкрал —
Нынче попробуй найди.

Нет ни иллюзий, ни позы.
Сладкая ложь нам смешна.
Только за детские слезы
Боги ответят сполна.

Ничто

Улица не шелохнется,
В небе — тихая луна.
Где-то шепот раздается.
Высь воздушная темна.
Все на свете непреложно,
Тихо, мирно и несложно,
Нами небо занято...
Вдруг — над нами раздробилось,
Разыгралось, раскатилось,
Зашумело, заискрилось
Многоликое Ничто.

Топчут ноги, брызжет хохот,
Но не видно ничего.
На пустой дороге — топот,
Сердце живо и мертво...
Обло, дико и стозевно,
И не нежно, и не гневно,
Чем-то высшим занято,
Многоруко, многоного,
По семи земным дорогам
Скачет гулкое Ничто.

Кличет, мается и ранит,
Рвет сердца, дробит мечты,
Манит, тянет и буйнит
Пустота среди пустоты...
Ложь — прельстительная сила,
Жизнь полна, как решето.
Много нам судьба дарила,
Да не то, не то, не то!

Снова — тихая дорога...
Где-то огоньки горят,
Плачут, ждут, тревожат бога,
Все о чем-то говорят...
Ночь тиха. Не дышит ветер.
Ни за что мы не в ответе.
И прожить бы лет так сто...
Что за чудо — тишь на свете,
Только слышно, как к планете
Приближается Ничто.

Сочельник

Опускается занавес над недосмотренным сном.
В зале слышно молчанье господ и шушуканье черни.
Смутный год завершается. За хладнокровным окном —
Равнодушный сочельник.

Одичалый трамвай, дребезжа, ковыляет в депо,
К человеческим радостям, бедам и снам равнодушен.
Роем мчатся к витринам, жужжат, закупают добро,
Жесткокрылые души.

Голодающий кактус таращит глаза в уголке —
Мол, не я виноват, это жизнь сволочная такая.
И моя табуретка, набычившись, в грязный паркет
Снова корни пускает.

Я, счастливый Сизиф, одинокий жилец тесноты,
Шел по краю всю жизнь и теперь, обнаружившись в центре,
Говорю с мирозданьем, веками и Богом на «ты»
В однокомнатной церкви.

Вижу бурю в пустыне, вертеп, пастухов и волхвов,
К новой эре истории мчащихся по бездорожью,
Чтоб украсить бессмыслицу — вечную тщетность всего —
Новой яркою ложью.

Я не верю в добро, но мне влом тиражировать ложь.
Просто гадко все то прославлять, что и высмеешь ты же.
И не хочешь болтать ни о чем, и молчишь, и живешь
Этой вдумчивой тишью.

Это кризис взросления, это такая судьба,
Это зрелая мудрость, и хренушки справишься с нею.
Надо просто уметь, молча перерастая себя,

Становиться сильнее.

Молодая луна над трубой вдохновенно слепа.
За окном дымный город лежит головою на блюде.
Я пытаюсь развеяться и, выходя из себя,
Выхожу неожиданно в люди.

А в людях веселей – все не так, все не там, все не те.
Небо снежным потоком весь лоск с человечества смыло.
Мне досталось в удел – в равнодушном квадратном Нигде
Обретение смысла.

Знать, такая судьба, – говорить в пустоту ни о чем,
Получая стабильные аплодисменты по роже,
Плакать клюквенной кровью и драться картонным мечом
На потеху проходим.

Дни Великого поста

Небо – снежное на диво,
Улица пустым-пуста.
Тяжелы и молчаливы
Дни Великого Поста.

Дремлет небо в белой славе,
Непреклонна высота.
Смотришь ввысь – и видишь въяве
Свет Великого Поста.

Ложь всегда замысловата,
Только истина проста –
Есть вина и есть расплата,
Тишь Великого Поста.

Глянь в сердечные пещеры
И сомкни, сомкни уста!
Посвяти огранке веры
Дни Великого Поста.

Не смотри в окно в смятенье,
Не спеши, не жди вестей.
Пост – как мера пресечения
Всех страданий и страстей.

Воздух пуст... Нет в сердце крови...
Только тьма в груди густа –
Хватит, чтоб прожечь безмолвье

Дней Великого Поста.

Февраль

Просторный, ветреный февраль.
Пусто.
Нагие ветви разрывают даль
С хрустом.
Февральский ветер возмущен,
Резок.
И небо серо, словно фон
Фресок.

В маршрутке на крутом холме трясет –
Тошно.
За поворотом новый поворот
Сложный.
Как будто кадры мчатся за окном,
Снимки –
Холмы, кусты, овраги, бурелом
В дымке.

Окраинный пейзаж привычно груб,
Пестрый.
Земля как будто превратилась в куб
Острый.
Угластым придавил меня ребром
Космос,
Ломая мне своим добром и злом
Кости.

Как нервы пустоты, оголены
Клены.
И все в моем предместье до весны
Сонно.
Но запах снега, проникая в сны,
Ночью
Щекочет, будоражит и пьянит
Ноздри.

Как все же просто открывался ты,
Ларчик.
Здесь с каждым днем дыханье пустоты
Жарче.
Не выходи из комнаты, молчи,
Маясь,
И слушай, как в твоих ушах звучит

Хаос.

Ложится под ноги февральская земля.

Грязно.

Броди по городу, губами шевеля,

Праздно.

Броди, запоминай свою страну

Серой.

Но в будущую синюю весну –

Веруй.